

Март Виссарионов

17.03.2005

НЕМНОГИМ более десяти лет назад относительно молодой, мало известный петербургскому зрителю режиссер, отмеченный странным званием «Заслуженный деятель искусств Киргизии», Владислав Пази произвел настоящий фурор в театральном Петербурге. Культурная столица устремилась в Театр им. В. Ф. Комиссаржевской на спектакли «Дама с камелиями» и - чуть позже - «Самоубийство влюбленных на острове Небесных Сетей». Вскоре произошло назначение Пази на должность художественного руководителя Театра им. Ленсовета. На афише появились имена Бергмана, Набокова. И, наконец, осенью прошлого года - новый шедевр. Спектакль «Оскар, или Розовая дама» с Алисой Фрейндлих.

СЕГОДНЯ Владиславу Пази исполняется 60 лет. К этой дате приурочен выход в свет его книги воспоминаний «Театральный транзит». Владислав Борисович любезно согласился на публикацию в «Смене» ее фрагментов.

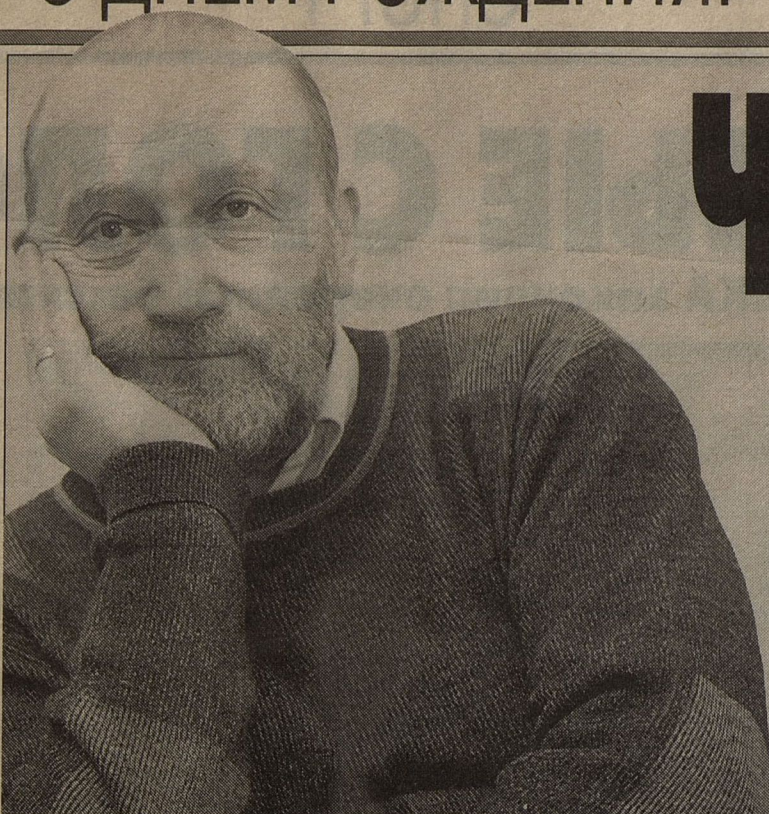
Как Товстоногов попал в анекдот

В 1978 году в завершение наших пятилетних занятий Георгий Александрович Товстоногов решил вывезти режиссерскую лабораторию в Лондон и провести последнее занятие там. Выбраться в Англию в те годы было все равно что слетать в космос...

Под конец пребывания там с нами произошло одно забавное приключение... Нагруженные подарками, мы всей группой приезжаем в гостиницу и вписываемся в лифт. Лифт дергается и останавливается. Мы начинаем кричать, шуметь, но лифт - ни с места. Наконец, мы находим телефонную трубку. Единственная из нас, кто все-таки могла хоть как-то изъясниться по-английски, была Марина Корчак. Она позвонила. Ей что-то ответили. Она поняла это в том смысле, что скоро нас спасут. И Георгий Александрович, и Аркадий Николаевич Анастасьев были с нами в этом лифте. Нас там было просто как селедок в бочке... Никто почему-то нас из лифта не освобождает. Проходит пятнадцать, двадцать, тридцать, сорок минут. Марина пытается что-то говорить по телефону, но больше никто не отвечает. У женщин начинается легкая истерика. Кто-то из них говорит: «Георгий Александрович, расскажите хоть анекдот!» Георгий Александрович, хмыкнув в нос, как это он обычно делал, и округлив глаза, говорит: «Когда сам внутри анекдота, не до анекдотов». В конце концов, мы видим, что Аркадию Николаевичу уже просто становится нехорошо, душно, да и всем нам тоже несладко. Мы мокрые, с нас течет. Мы кричим, стучим, звоним... Где-то минут через пятьдесят Сандро Мревлишвили прорывается к дверям, открывает их, и... мы все выходим. Потом нам объясняет человек на ресепшн, что Марине тогда по телефону сказали: «Откройте дверь и выходите». Поэтому больше они о нас и не беспокоились. Но мы решили, что выходить опасно.

Зрители вставали на колени

При Горбачеве начали наконец вновь говорить обо всем том, что было связано с репрессиями, лагерями. Тогда появилась, безусловно, несовершеннолетняя, но очень искренняя пьеса Игнатия Дворецкого «Колыма». Она попала мне в руки, и мы все отложили и

Художественный руководитель Театра им. Ленсовета Владислав Пази делится воспоминаниями с читателями «Смены»

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ТРАНЗИТ

стали ее немедленно ставить... Премьера «Колымы» стала одним из самых больших моих потрясений в жизни. Надо понимать, что Киргизия была местом ссылки и еще живы люди, которые были сосланы туда. Или их потомки, в которых была свежа эта память... Когда спектакль кончился, на сцену стали выходить люди, пожилые люди, которые вдруг перед нашими артистами становились на колени. Сначала один опустился на колени (мы подумали, что с ним что-то случилось, бросились его поднимать), он попросил, чтобы его не трогали, потом с ним рядом встал еще один, потом еще одна женщина. Тут все зарыдали - рыдали люди, стоявшие на коленях, рыдали артисты, плакал весь зрительный зал, аплодировал и плакал. Все было в этих слезах - и счастье, что дожили до того, что зло названо злом, и скорбь по ушедшим в этот ад уже навсегда, и чувство очищения. Нет, никогда ничего подобного мне ни видеть, ни переживать в

театре не приходилось. Да вряд ли и доведется.

«Декамерон» - рассадник нехороших болезней

Часто так бывало, что в провинции можно было сделать что-то, что вряд ли прошло бы в столице... В Киргизии и в театре-то не очень хорошо знали, что это за «Декамерон», и, не разобравшись, разрешили поставить... В финале спектакля, когда всех утаскивала Чума и казалось, что жизнь кончена, там вдруг откуда ни возьмись появлялись двое совсем молодых людей... Они рассказывали одну из самых нахальных новелл Боккаччо - «О том, как дьявола в ад загонять», новеллу очень эротичную, для советской сцены неслыханно откровенную... Мало нам было этой самой новеллы, так я еще ухитрился артистов обнажить. Не так уж, чтобы прямо

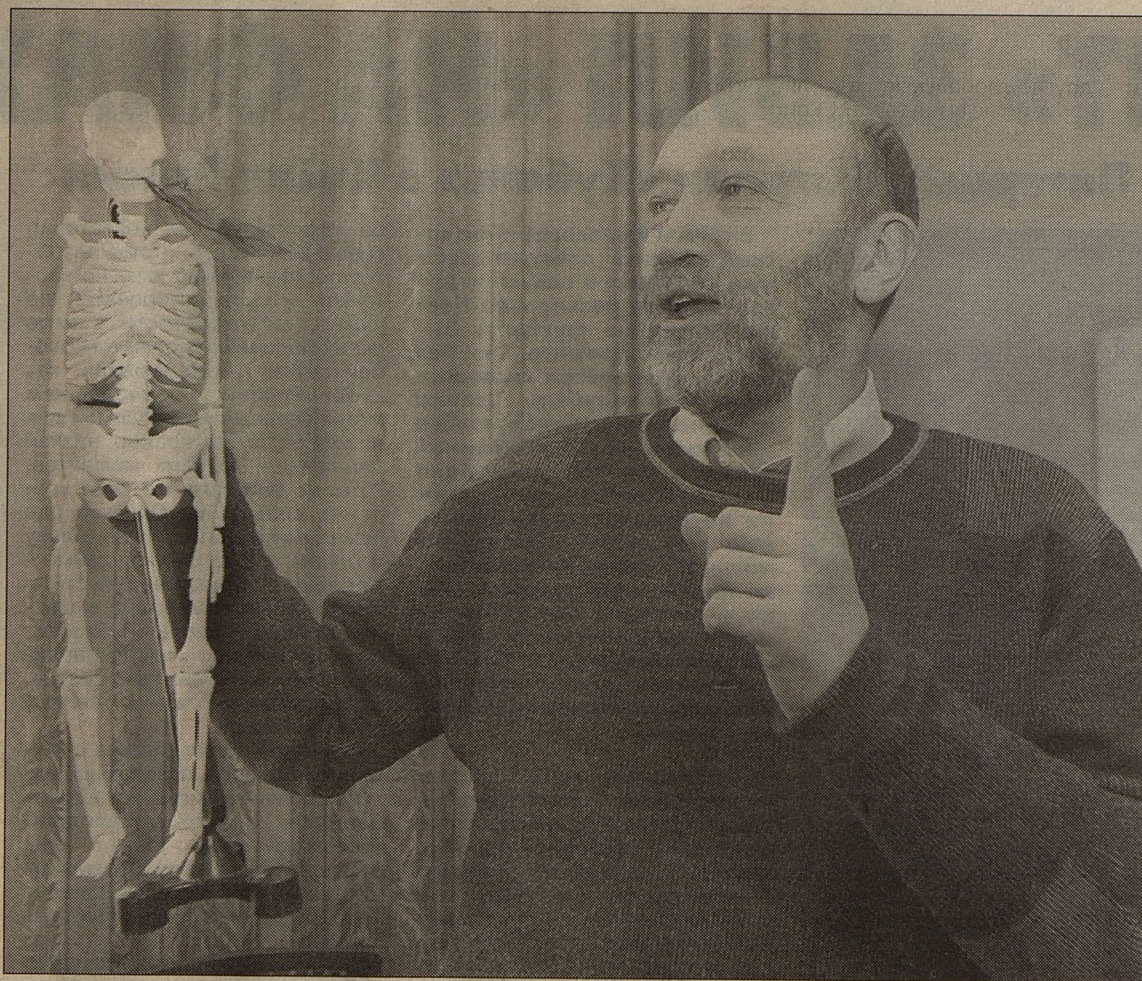
совсем, но в большой степени, что по тем временам было делом совершенно редкостным и нахальным. Они играли эту самую скабрзную новеллу невероятно чисто. Это было открытие молодыми людьми возможностей отношений мужчины и женщины, о которых они даже и не подозревали. Они были Адамом и Евой, вкусившими запретный плод... После выпуска «Декамерона» я с печалью в душе вынужден был расстаться с этой замечательной труппой, которую очень полюбил. Надо было освободить место для другого режиссера... Началась борьба, хождение артистов в министерство, уговаривание министра культуры, которым в Киргизии традиционно была женщина... типичный образец, выведенный советской властью. Лицо, напоминавшее такой большой пенек, обросший опятами, сильного темперамента мадам, любившая развернуться и показать, как распоряжаются властью освобожденные женщины Востока... Шли мои спектакли, театр был набит

битком, спектакли имели огромный успех, но в театр меня не пускали... Я должен был отсюда уехать. Вслед мне летел еще один перл госпожи министерши: «Вы хотите, чтобы он руководил этим театром? У нас в городе ходят болезни венерические, а он «Декамерон» ставит!»

Через четыре года меня пригласили опять. Пригласил тот самый главный режиссер, которого тогда назначили вместо меня.

«Покушение» на министра обороны

Справедливость наконец восстановлена - Мурманску должны дать звание города-героя. То, что это будет происходить в театре, мы поняли довольно быстро, потому что вдруг рядом с директором кабинета началось какое-то удивительное строительство. Вроде бы там и строить было негде. Но пробили стену, вскрыли полы, стали прокладывать трубы - выяснилось, что там строится новый туалет. Вручать звание будет министр обороны маршал Устинов. Ну и куда же ему идти? Не со всеми же вместе!.. Наконец, наступил этот самый день. С утра появился последний инспектор и обнаружил, что трибуна, с которой должен выступать маршал, слишком высока. Но все цеха отправлены домой и ни одного лишнего человека в театре нет, как же укорачивать трибуну? Пришлось браться за пилу директору Пидусту и главному художнику. Закатали они рукава парадных костюмов, подпилили трибуну, поставили. Инспектор, подогнув коленки, примерил ее и остался доволен. К этому моменту подтянулись те, кто обслуживал торжественный концерт. На сцену пускали только по специальным пропускам. В зале, естественно, только специально отобранная публика, по фойе расхаживали люди в штатском. И вдруг наша осветительница Люба Майорова обнаруживает, что у нее в верхней ложе фонарь опустился и не туда светит. Она выскакивает в фойе, ее подхватывают двое вежливых: «Куда вы, девушка?» - «Да у меня там, в верхней ложе, пистолет упал!» (Пистолет на театральном жаргоне - осветительный прибор с направленным светом. - Прим. ред.) Только Любу мы и видели... Отпустили ее вскоре после отъезда маршала. Дня через три.

Искусство Владислава Пази принадлежит вечности

Подготовил
Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Кирилла КУДРЯВЦЕВА